

II. Хозяйство въ Россіи въ началѣ XIX в.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

онецъ XVIII вѣка и начало XIX вѣка имѣютъ перво-
степенное значеніе въ экономическомъ развитіи Россіи.
Происходило разложеніе натурально - хозяйственнаго
уклада; въ странѣ развивалась промышленность, уси-
ливалось денежное обращеніе въ зависимости отъ уве-
личенія оборотовъ по внѣшней и отчасти внутренней
торговли; начало формироваться сельско-хозяйственное
предпринимательство, поднимались споры о выгодности
и невыгодности крѣпостного труда въ связи съ новыми

условіями хозяйства. Всѣ эти явленія экономической жизни приходится
учитывать при изученіи эпохи 1812 года. Съ одной стороны, въ руководя-
щихъ классахъ общества, въ особенности, купечества были на рукахъ
довольно большіе капиталы, что дало возможность проявить свое усердіе
въ войнѣ путемъ пожертвованій — впрочемъ, по размѣрамъ не всегда
соотвѣтствовавшихъ тому патріотическому жару, съ которымъ обыкно-
венно о нихъ говорилось. Съ другой стороны, развивавшійся международ-

ный товарообмѣнъ отвелъ Россіи опредѣленное мѣсто на европейскомъ рынкѣ, и всякое сокращеніе послѣдняго должно было повлечь разореніе заинтересованныхъ лицъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка національная индустрія быстро шагнула впередъ. При вступленіи на престолъ Екатерины II насчитывалось всего 984 фабрикъ и заводовъ, а въ годъ ея смерти 3.161. Правда, въ началѣ царствованія Екатерины II правительство, въ своей экономической политикѣ отступивъ отъ началъ Петра и его преемниковъ, державшихся охранительной таможенной политики, склонилось въ сторону экономического либерализма. Но создававшійся малоблагопріятный для страны торговый балансъ вызвалъ паденіе вексельнаго курса и принудилъ правительство перейти къ системѣ запретительныхъ тарифовъ, почти уничтожившихъ всякую конкуренцію со стороны европейскихъ фабрикатовъ. Переходъ въ сторону запретительной системы—не только результатъ тяжелаго финансоваго положенія правительства и слѣдствіе необходимости немедленно поднять вексельный курсъ: приходилось при этомъ учитывать и международное положеніе—борьбу съ французской революціей. Накладывая большія пошлины на европейскіе фабрикаты, а большинство предметовъ роскоши совершенно запрещая для ввоза въ страну, правительство наносило ударъ французской торговлѣ, видя въ таможенной политикѣ вѣрное средство для борьбы съ революціей на экономическомъ почвѣ. Отсюда и идетъ рядъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ Франціи. Такой же политики по отношенію къ Франціи держался Павелъ I. Правда, подъ конецъ своего царствованія въ силу новой международной комбинаціи, Павелъ разрѣшилъ было свободный ввозъ французскихъ товаровъ, что грозило убить многія отрасли національной индустріи, запретивъ въ то же время вывозъ какихъ бы то ни было товаровъ изъ «россійскихъ портовъ»; примѣненіе послѣдней мѣры должно было убить нашъ экспортъ: разорились бы не только оптовики-торговцы, но и дворяне пред-

Ткачихи (Венеціановъ).

приниматели, ставшіе поставщиками сырья на европейскій рынокъ. Но этотъ революціонный указъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе. На другой день по его опубликованіи Павла не стало, а его преемникъ отменилъ указъ отца. Вполнѣ понятно, почему купечество и дворянство, какъ наиболѣе заинтересованныя въ развитіи нашего экспорта, привѣтствовали бурными восторгами вступленіе на престолъ Александра.

Новый государь теоретически былъ противникомъ запретительной политики, но въ общемъ таможенная политика его правительства почти осталась безъ перемѣнъ, если не считать нѣкоторыхъ распоряженій, отменявшихъ нелѣпыя стѣснительныя мѣры его отца. Такъ, было отменено запрещеніе вывоза товаровъ, снято запрещеніе на привозъ въ Россію нѣкоторыхъ фабрикатовъ, какъ-то: фарфора, фаянса и друг., запрещенныхъ указами 1800—1801 гг. Но это была только одна сторона таможенной политики. Въ другомъ отношеніи, въ ней не могло быть рѣзкой перемѣны правительственнаго курса—молодому правительству приходилось учитывать и плохое состояніе государственнаго бюджета и низкій курсъ ассигнацій ¹⁾, что, въ концѣ-концовъ, въ промежутокъ времени отъ 1803—1807 гг. заставило повысить пошлины на нѣкоторые фабрикаты, уменьшивъ таковыя на полуобработанное сырье, напр., бумажную пряжу. Таможенная политика правительства измѣнилась послѣ Тильзитскаго мира въ связи съ переходомъ къ континентальной системѣ ²⁾, сократившей нашу экспортную торговлю и вызвавшей разореніе оптоваго купечества и крупнопомѣстнаго дворянства. Принятая подъ давленіемъ Наполеона система вела государство къ полному банкротству. Задержать послѣднее было возможно какъ путемъ перемѣны курса таможенной политики, такъ и посредствомъ реформы денежнаго обращенія съ цѣлью поднять цѣнность ассигнаціоннаго рубля. Таможенный тарифъ 1810 г. и былъ возвращеніемъ къ запретительной таможенной политикѣ.

Подъ сѣнью таможенныхъ «ограниченій и запрещеній» могла постепенно крѣпнуть національная индустрія, и первые годы новаго царствованія являются «золотымъ вѣкомъ» для нея. Такъ, въ 1804 году общее число фабрикъ равнялось 2 423 съ общимъ количествомъ рабочихъ 95.202, а въ 1814—фабрикъ было 3.731, а рабочихъ 169.530. Самый характеръ производства сталъ нѣсколько измѣняться въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ. Появляются новыя отрасли промышленности, рассчитанныя уже не на удовлетвореніе нуждъ государства, какъ производства суконное, горнозаводское, писчебумажное и др., а на удовлетвореніе спроса на внутреннемъ рынкѣ. Изъ отдѣльных видовъ сильно подвинулось впередъ бумаготкацкое производство, которое въ XVIII вѣкѣ почти не обращало на себя вниманія правительства и было монополизировано крупными фабрикантами-англичанами: Чемберленомъ и Козенсомъ. Такъ, въ 1804 году бумаготкацкихъ фабрикъ было только 199 съ 6.546 рабочими, а въ 1814 году общее количество равнялось 424 съ 39.210 рабочими. За тотъ же промежутокъ времени производство ситца увеличилось въ три раза (1.462.428 арш.—4.448.840 арш.), миткаля въ 4 раза (2.109.035—9.958.945);

¹⁾ См. ст. К. В. Сякова.

²⁾ См. ст. К. А. Военскаго.

увеличивается производство платковъ (504.103 — 1.271.000), одьялъ (19.397—31.624), чулокъ (10.241—13.393). Впервые появляются бумаго-прядельныя фабрики. Въ 1812 году ихъ было въ Москвѣ 12. Можно отмѣтить также хорошее состояніе полотняныхъ и парусныхъ фабрикъ, выработывавшихъ парусныя и фламандскія полотна, скатерти. Общее число ихъ къ 1804 году дошло до 285 съ 23.711 рабочимъ. Количество выработаннаго паруснаго полотна доходило въ 1804 году до 3.186.206 арш., а фламандскаго—до 1.705.833 арш. Большая часть этихъ фабрикатовъ шла за границу, и въ силу установившагося спроса производство парусныхъ и фламандскихъ полотенъ являлось едва ли не самымъ «прибыльнѣйшимъ». Парусное полотно даже вывозилось въ Америку. Особенно было сильно

Торговая казнь.

развито полотно-ткацкое производство въ Московской, Ярославской, Владимирской и Калужской губерніяхъ; въ послѣдней $\frac{2}{3}$ ежегоднаго производства предназначалось на вывозъ. Увеличивается также желѣзно-чугунная промышленность. Быстрѣе увеличивается желѣзодѣлательная промышленность благодаря спросу на желѣзо на заграничномъ рынкѣ. Замѣтно также увеличеніе и суконныхъ фабрикъ (въ 1804—156, въ 1814—235), что отчасти приходится поставить въ связь съ освобожденіемъ купечества отъ обязательной казенной поставки сукна и разрѣшеніемъ продавать его въ частныя руки. Сукно русско-туземнаго производства въ общемъ было невысокаго достоинства, и производство его недостаточно: сплошь и рядомъ даже мундирное сукно приходилось докупать за границей. Зато фабрики, вырабатывавшія предметы роскоши, зеркала, шелкъ, уменьшались количественно, встрѣчая сильную конкуренцію въ привозимыхъ изъ Франціи товарахъ. Осо-

бенно въ шелковомъ производствѣ замѣтно уменьшеніе числа фабрикъ (съ 328 до 158). То же можно сказать относительно производства парчи, бархату, кружевъ, чулокъ, перчатокъ.

Несмотря на вѣншній расцвѣтъ крупнаго производства, въ техническомъ отношеніи фабрики стояли не высоко. И современники и офиціальныя данныя сходились въ оцѣнкѣ фактическаго состоянія туземной промышленности. Фабрикаты были плохи даже въ наиболее развитой суконной промышленности: «сукна мундирныя... весьма худы и въ носкѣ непрочны». Это говорилось относительно XVIII вѣка—то же можно сказать и по поводу начала XIX вѣка относительно цѣлаго ряда производствъ, за исключеніемъ полотно-ткацкаго. Но едва ли не была наиболее технически-отсталой желѣзо-чугунная промышленность, въ которой примѣнялся принудительный трудъ приписанныхъ къ заводу крестьянъ и мастеровыхъ въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ уже примѣнялся вольнонаемный трудъ. И уже это одно обстоятельство являлось прогрессивнымъ явленіемъ въ нашей дореформенной фабриктъ. Техническая отсталость національной индустріи зависѣла и отъ системы таможенной политики. Освободивъ крупное производство отъ иностранной конкуренціи, правительство сдѣлало фабрикантовъ монополистами рынка и, уничтоживъ конкуренцію, сдѣлало лишними заботы о техническомъ усовершенствованіи. Несомнѣнно, и незначительная емкость нашего внутренняго рынка—также не могла содѣйствовать техническому прогрессу въ промышленности, такъ какъ не было особой нужды въ быстромъ увеличеніи размѣровъ производства, страна жила въ рамкахъ крѣпостнаго хозяйства, и многомилліонная крестьянская масса только начинала становиться потребителемъ промышленныхъ фабрикатовъ, обыкновенно удовлетворяя свои потребности и нужды собственными издѣліями. Въ общемъ, къ началу XIX вѣка достигли относительнаго процвѣтанія только тѣ отрасли производства, которыя удовлетворяли нуждамъ государства и отчасти могли удовлетворить потребности не только внутренняго, но и вѣншнаго рынка.

Екатерининское промышленное законодательство постепенно освобождало промышленность отъ государственной опеки и регламентаціи: отменены всѣ монополіи частнаго и государственнаго характера въ области торговли и промышленности, указомъ 1770 года разрѣшалось всѣмъ свободнымъ людямъ устройство промышленныхъ заведеній. Но въ угоду помѣстному дворянству, русскимъ купцамъ запрещалась покупка крестьянъ къ фабрикамъ. Сочувствуя кустарной промышленности, Екатерина II уничтожила всѣ легальныя стѣсненія для крестьянскихъ промысловъ, такъ какъ развитіе промышленной дѣятельности крестьянства вполне соответствовало сословнымъ аппетитамъ дворянства, желавшаго извлечь изъ крѣпостнаго права наибольшую для себя матеріальную выгоду. Крестьяне занимались плетеніемъ рогожъ, дѣланіемъ ситъ, рѣшеть, лаптей, колесъ, дугъ, деревянной посуды и другихъ продуктовъ, связанныхъ съ обработкой дерева. Процвѣтало также желѣзное производство, суконное ткачество, въ особенности въ Тверской губерніи. Расцвѣтъ кустарнаго ремесла объясняется тѣмъ, что многіе рабочіе, возвращавшіеся домой, приносили съ собой техническіе приемы работы, усвоенные на фабриктъ. Отсутствие машинъ давало полную возможность кустарю-производителю, не боясь

фабрики, заниматься производствомъ тѣхъ или другихъ фабрикатовъ. Да и сами фабриканты отчасти содѣйствовали кустарному производству, отдавая работу на домъ и тѣмъ самымъ закладывая прочное основаніе домашней промышленности.

Промышленная политика Александра I направлялась въ сторону дальнѣйшаго раскрытія національной промышленности. Такъ, отменяется обязанность фабриканта представлять все вырабатываемое сукно въ казну, уничтожается право иностранцевъ-фабрикантовъ покупать къ фабрикамъ деревни съ крестьянами. Впрочемъ, и въ дѣятельности новаго правительства замѣтно кое-какое противорѣчіе: такъ, желѣзо-чугунная промышленность попрежнему была опекаема правительствомъ и снабжена принудительнымъ приписнымъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ XIX

Заведеніе Фр. Рабенка.

вѣка промышленность была въ большинствѣ случаевъ освобождена отъ правительственной опеки и регламентаціи. Ей была предоставлена полная возможность развивать свою инициативу, направляя ее на удовлетвореніе спроса на внутреннемъ рынкѣ и стремясь къ расширенію производства посредствомъ завоеванія новыхъ рынковъ, по преимуществу на востокъ въ Азіи, такъ какъ конкуренція съ свропейскими фабрикатами, конечно, была немислима.

Развивавшіяся внутренняя и вѣшняя торговли также указывали на перемѣны, происходившія въ экономической жизни страны. Отмена внутреннихъ таможенъ и, наконецъ, разрѣшеніе при Петрѣ III вывозить хлѣбъ черезъ всѣ порты, конечно, должны были увеличить и внутренний и международный товаро-обмѣнъ. Разрѣшая дворянству «оптомъ торговать, что въ деревняхъ родится», и устанавливая полную свободу хлѣбной торговли внутри имперіи, законодательство Екатерины II, конечно, не могло не

усилить внутреннего и внешнего товаро-обмена, темъ болѣе, что происходившія перемены въ экономической жизни Европы, преимущественно Англии, создавали большой спросъ на русское сырье, а образованіе внутри страны промышленнаго района создавало довольно большой по емкости внутренній рынокъ. Трудно учесть обороты по внутренней торговлѣ въ XVIII и началѣ XIX вѣка: особенно большими они не могли быть при существованіи крепостного права; но данныя первой половины XVIII вѣка, таможенные грамоты, говорятъ объ образовавшихся постоянныхъ рынкахъ, куда свозили хлѣбъ для продажи оптовымъ покупателямъ и гдѣ торговали въ розницу разными предметами сельскаго хозяйства. Тутъ продавались: коровы, поросята, бараны, гуси, утки, соль, хмель, конопля, толокно, медъ. Конечно, не надо преувеличивать емкость этого рынка, такъ какъ въ условіяхъ развитія сельско-хозяйственнаго рынка тогда было очень много неблагоприятнаго, въ особенности отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, не говоря уже о существованіи крепостного права съ его замкнутымъ хозяйствомъ. Гораздо значительнѣе успѣхи международнаго товаро-обмена. Съ начала XIX вѣка увеличивается общая цѣнность и вывоза и ввоза. Первый въ 1800 году доходилъ до 61.470 тыс. руб., а второй—до 46.650 тыс. руб. Торговый балансъ былъ въ пользу страны. Правда, въ періодъ войнъ съ Наполеономъ въ 1806—1808 гг. обороты по внешней торговлѣ значительно сократились: съ 107.445 тыс. руб. до 31.819 тыс. руб.

Во второй половинѣ XVIII вѣка сельско-хозяйственная Россія могла поставлять на заграничный рынокъ только сырье. Среди вывозимаго сырья—жизненные припасы, въ особенности хлѣбъ, занимали весьма незначительное мѣсто въ общей цѣнности вывоза, составляя всего 1% общаго вывоза товаровъ за границу.

Съ конца XVIII вѣка въ этомъ отношеніи картина мѣняется. Такъ, въ 1802 году зернового хлѣба и муки вывозилось на 13.354 тыс. руб.,—первое мѣсто среди предметовъ вывоза. Далѣе шли ленъ (6.928 тыс.), сѣмена (3.023 тыс. руб.), льсъ (1.730 тыс. руб.), скоть (1.734 тыс.), шетина и волосъ (846 тыс. руб.). Въ періодъ 1806—1810 года при общемъ сокращеніи отпуска уменьшилось и количество вывозимаго хлѣба до 1 милл. четвертей.

Несмотря на развивавшійся международный товаро-обменъ, конечно, далеко не всѣ мѣстности принимали въ немъ одинаковое участіе, ибо не было хорошихъ путей сообщенія, соединявшихъ плодородныя мѣстности съ портами. Правда, порты на Черномъ морѣ, въ особенности Одесса, начинаютъ принимать активное участіе въ заграничной торговлѣ, хотя хлѣбная производительность юга еще находилась въ зародышѣ. Увеличеніе хлѣбнаго отпуска отразилось на повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, при чемъ разница въ нихъ въ различныхъ районахъ въ зависимости отъ разныхъ естественныхъ условій доходила до огромной величины. Эти колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ и отсутствіе въ нихъ уравнительности были характернымъ явленіемъ для крепостной Россіи, тормозя интенсификацію сельскаго хозяйства и препятствуя развитію сельско-хозяйственнаго предпринимательства.

По свѣдѣніямъ кн. Щербатова, четверть ржи въ Московской губерніи повысилась съ 86 к. 1760 г. до 7 руб. 1790 года. Ту же картину для пачала XIX вѣка можно отмѣтить и въ Ярославской губерніи, гдѣ цѣна четверти ржи стоила въ 1760 году—1 р. 12 коп., 1785 году—отъ 2 р. 20 к. до 4 р. 20 к., а въ 1802 году—4 р. 40 к.—5 р. 35 коп. Тѣ же колебанія можно отмѣтить и въ цѣнахъ на пшеницу. Характерно то, что Ярославская губернія, какъ промышленная, нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. Это повышение цѣнъ на хлѣбъ, при извѣстномъ характерѣ веденія помѣщичьего хозяйства, могло бы сильно поднять доходность имѣнія, и этого обстоятельства не могли не учесть помѣщики-предприниматели, стремившіеся использовать въ свою пользу состояніе цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ. До 1808 года главнымъ рынкомъ Россіи за границей была Англія; о его размѣрахъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1803 году прибыло въ Россію изъ Англіи съ грузомъ 319 судовъ, а безъ груза 993; отошло съ грузомъ 1.277, а безъ грузу уже только 17. Торговля съ другими странами имѣла второстепенное значеніе, лучшимъ показателемъ чего могутъ служить торговые обороты съ Франціей. Такъ, во время борьбы Павла съ республикой вывозъ изъ Франціи въ Россію палъ до 0,1 тыс. руб. противъ 30,8 тыс. руб. предыдущаго года. Отмѣна таможенныхъ запрещеній повысила привозъ до 132,4 тыс. руб.; соотвѣтственно

Купчиха Образцова (Венеціановъ).

этому растеть и нашъ вывозъ во Францію: съ 67,9 тыс. руб. до 287,6 тыс. руб. Первые годы царствованія Александра были очень благопріятны для торговли съ Франціей, ввозившей въ Россію на 1.606 тыс. руб. и получавшей изъ Россіи сырья на сумму 1.214 тыс. руб. Во время каолицій 1805—1807 гг. нашъ привозъ во Францію падаетъ до 4 тыс. руб., а вывозъ изъ Франціи до 301 тыс. руб. Введеніе континентальной системы сразу дало сильное повышение — общая цѣнность французскаго привоза доходила до 1.511 тыс. руб., а нашъ привозъ только 257 тыс. руб. Когда былъ введенъ тарифъ 1810 г., который налагалъ высокія пошлины на

французскіе товары, преимущественно, предметы роскоши, то французскій привозъ сократился до 306 тыс. руб. Становится понятнымъ то раздраженіе, которое питало французское правительство по отношенію къ Россіи изъ-за тарифа 1810 года. Такимъ образомъ англійскій рынокъ для русскихъ экспортеровъ имѣлъ доминирующее значеніе, и всякое уменьшеніе его емкости вызывало недовольство въ средѣ заинтересованныхъ въ торговлю лицъ. Поэтому вполне понятно, почему заинтересованные круги были недовольны континентальной системой, убившей экспортную торговлю и погубившей нѣкоторыя фабричныя предпріятія.

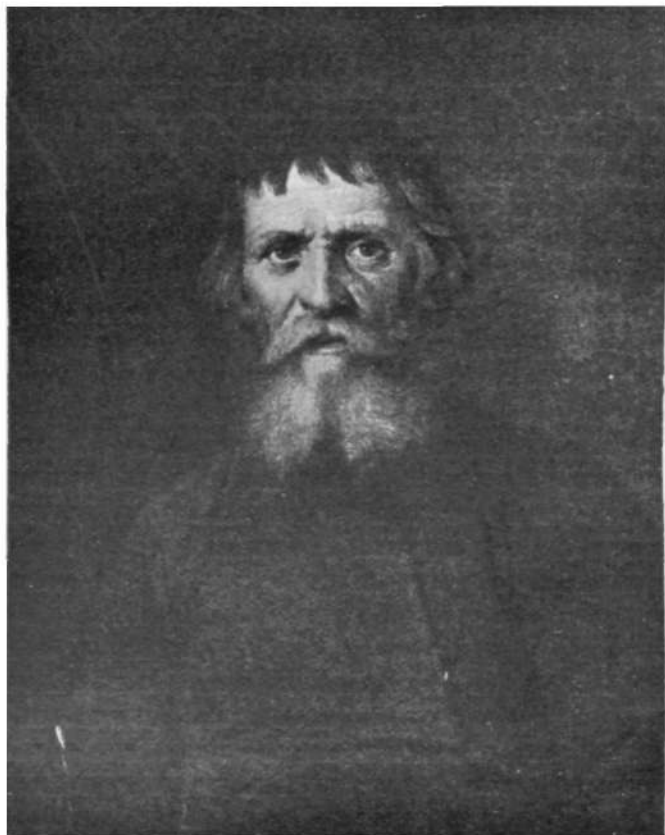
И развитіе крупной промышленности, и развивавшійся товаро-обмѣнъ имѣли первостепенное значеніе для сельско-хозяйственнаго рынка. Прежде всего опредѣленно намѣчалась дифференціація города и деревни. Города стали центрами обрабатывающей промышленности; населеніе стало принимать дѣятельное участіе въ торгово-промышленной жизни города. Деревня попрежнему оставалась лабораторіей производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Городъ и деревня, какъ двѣ различныхъ экономическихъ категорій, оказываются тѣсно связанными. Городъ сталъ постояннымъ рынкомъ, куда деревня поставляла свои продукты, сбытъ которыхъ тамъ былъ обезпеченъ. Съ другой стороны, деревня давала городу тотъ контингентъ рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ нуждался. Но воздѣйствіе города на деревню было относительно незначительное: деревня почти не покупала туземныхъ фабрикатовъ, живя въ рамкахъ крѣпостного, чисто натурального хозяйства и самостоятельно удовлетворяя свои потребности. Развитіе городовъ и увеличеніе городского населенія являются лучшими показателями усиленія города, какъ промышленнаго центра. Съ 1724 года по 1812 годъ населеніе Россіи увеличилось съ 14 милл. до 41 милл., но на долю городского населенія падаетъ весьма незначительный процентъ, такъ что городское населеніе, быстро увеличиваясь абсолютно, относительно росло очень медленно. Въ 1724 г. городское населеніе составляло 3% (328 тыс.), а въ 1812 году оно составляетъ 4,4% (1.653 тыс.): крѣпостное право, фактически дѣлавшее невозможнымъ приливъ населенія въ городъ, мѣшало болѣе быстрому относительному росту городского населенія.

Крупное производство развилось въ нечерноземной полосѣ Россіи, когда-то бывшей центромъ сельско-хозяйственной культуры. Это совершенно измѣнило характеръ производительнаго труда въ этой полосѣ. Сосредоточеніе населенія въ этой мѣстности превращало ее въ весьма выгодный для сельскаго хозяйства потребительный рынокъ, тѣмъ болѣе, что своего хлѣба уже не хватало для прокормленія, рынокъ питался хлѣбомъ, привозимымъ изъ черноземныхъ губерній, гдѣ и урожанъ были лучше и издержки производства меньше. И населеніе находитъ для себя болѣе выгоднымъ отходъ на промыслы и фабрики. Свободное крестьянство бросаетъ свои участки и идетъ въ города. Видна тенденція къ занятію неземледѣльческими промыслами. Въ общемъ, отходъ былъ настолько значителенъ (до 20%), что нѣкоторымъ наблюдателямъ изъ иностранцевъ казалось, что все взрослое населеніе въ нѣкоторыхъ районахъ ушло на заработки, оставивъ земледѣліе исключительно женщинамъ. Для развивавшейся промышленности этотъ отходъ имѣлъ первостепенное значеніе. Правительство

рядомъ указовъ запретило покупку къ фабрикамъ деревень съ крестьянами. Поэтому фабриканты стремились обезпечить себя рабочими руками, нанимая ихъ изъ числа оброчнаго крестьянства. Изъ числа 95.202 рабочихъ, по даннымъ 1804 года, вольнонаемныхъ было 45.625 челов., или 48%, причемъ наибольшій % свободныхъ рабочихъ приходился на долю полотняныхъ фабрикъ, шелковыхъ и кожевенныхъ заводовъ. Въ этихъ производствахъ свободный трудъ почти вытѣснилъ принудительный. Въ остальныхъ производствахъ первенство остается за крѣпостнымъ трудомъ — свободный трудъ представленъ въ очень незначительномъ количествѣ рабочихъ и растворялся въ массѣ крѣпостнаго труда.

Эти новыя хозяйственныя отношенія должны были сказаться на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Помѣщику стало мало выгоднымъ поддерживать въ нечерноземной полосѣ сельско-хозяйственную культуру и извлекать ренту посредствомъ приложенія крестьянскаго труда къ землѣ. Помѣщики предпочитаютъ переводъ крестьянъ на оброкъ съ предоставленіемъ имъ свободы въ выборѣ занятія. Дѣйствительно, въ полосу нечерноземной оброчный трудъ рѣшительно доминировалъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Вологодской — % оброчныхъ доходилъ до 83—85%. Въ другихъ нечерноземныхъ губ.: Нижегородской, Олонецкой, Калужской, Петербургской, Владимирской, Новгородской, Московской, Тверской, Смоленской и Псковской, % оброчныхъ

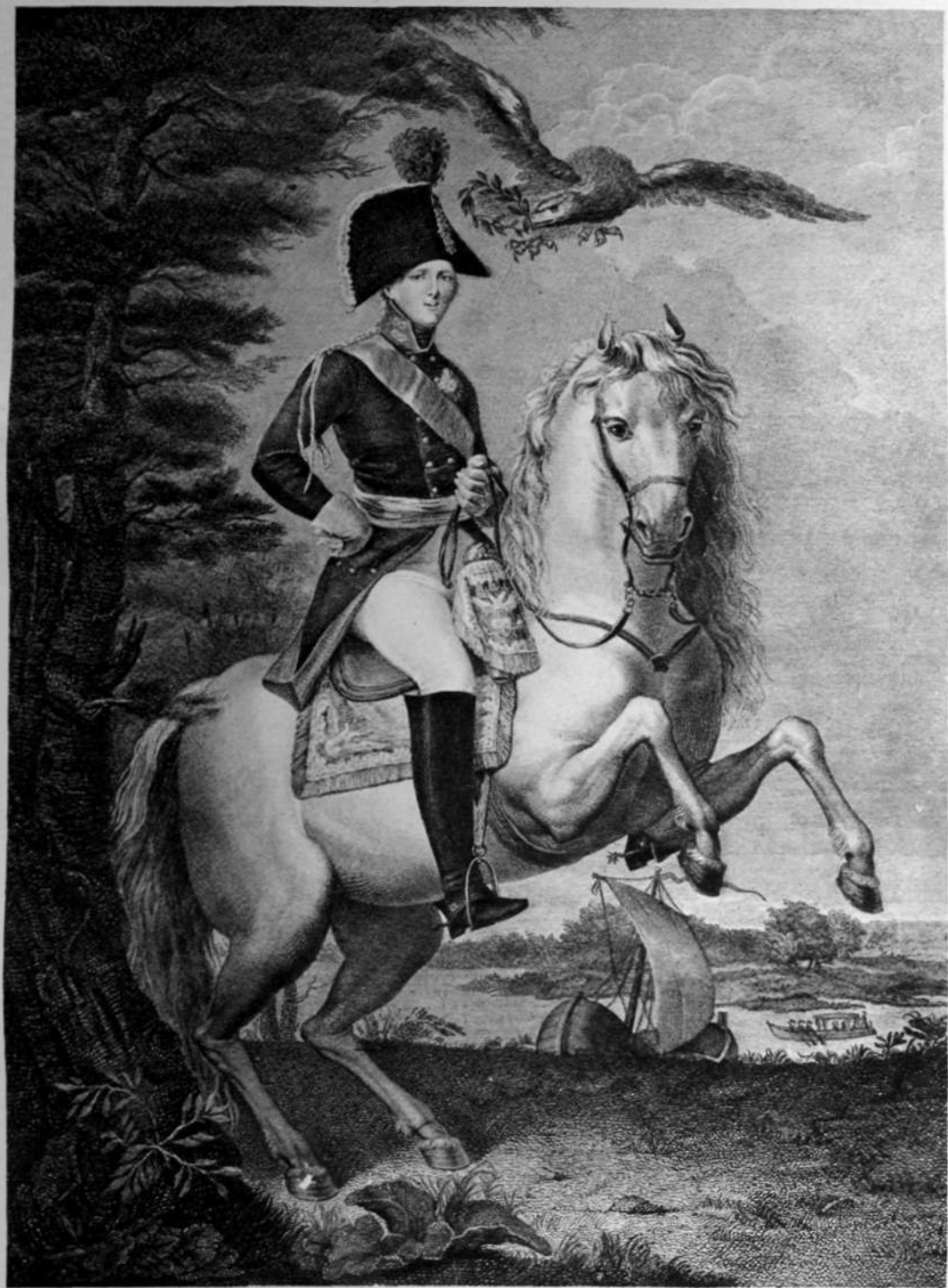

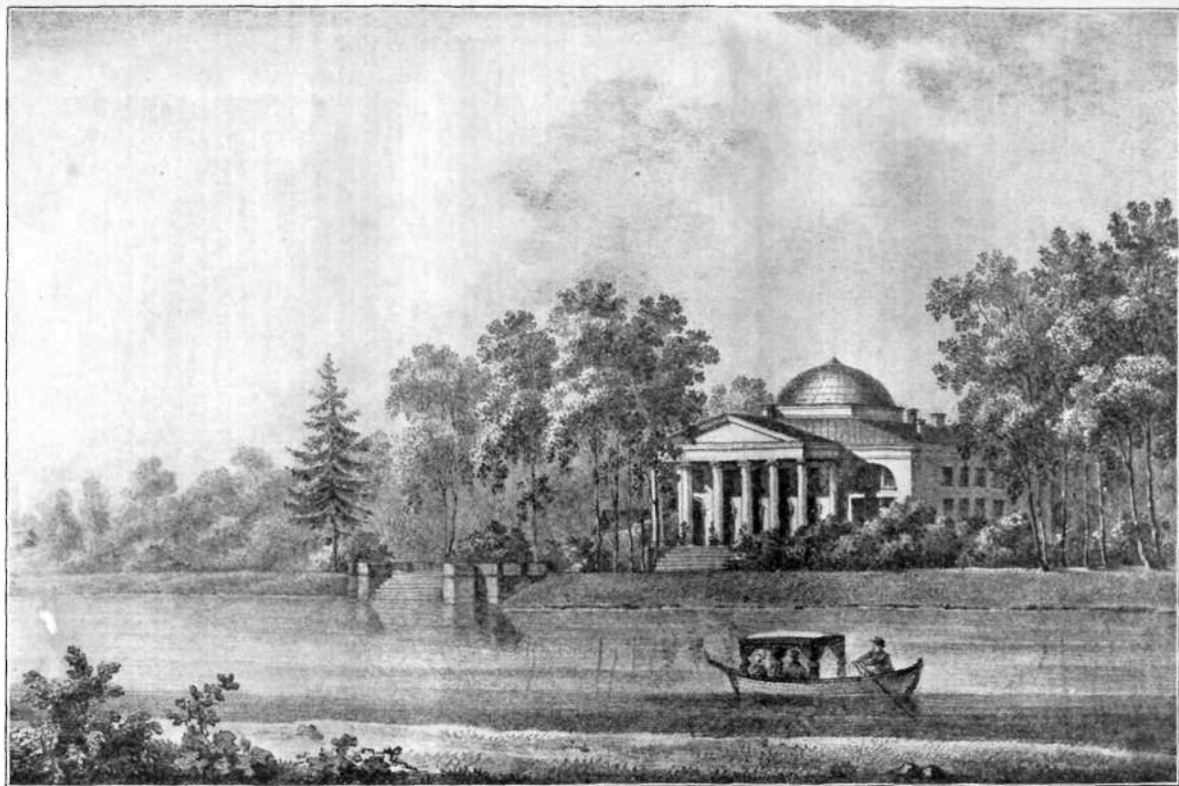
Купецъ Серебряковъ (Угрюмовъ).

былъ значительно ниже, но въ общемъ онъ былъ выше % барщиннаго крестьянства. Совсѣмъ другая картина представляется въ черноземной полосѣ: здѣсь царство барщиннаго труда. Такъ, въ губерніяхъ: Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, % доходилъ до 74%, а наиболѣе развито было барщинное хозяйство въ Курской (92%), Рязанской (81%), Тамбовской (78%). Вся эта крѣпостная масса распределялась по территоріи въ высшей степени неравномѣрно. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ съ развитымъ крупнымъ рабовладѣніемъ при сравнительно мелкомъ землевладѣніи рабочихъ рукъ хватало съ излиш-

комъ. Переводъ на оброкъ достигался самъ собою независимо отъ того, насколько это было выгодно помѣщику въ смыслъ увеличенія его ежегоднаго дохода. На черноземѣ — другая картина: здѣсь много земли, но мало населенія. Здѣсь нельзя говорить объ избыткѣ труда: скорѣе въ немъ замѣчается недостатокъ. Земельная рента помѣщика могла быть увеличена только съ помощью приложенія барщиннаго труда. Впрочемъ, въ нечерноземной полосѣ барщинный трудъ прилагался не только къ землѣ. Дворянство со второй половины XVIII вѣка, ощутивъ выгоды крупнаго производства, стало открывать суконныя фабрики, обезпечивъ себѣ сбытъ казенными заказами, и къ началу XIX вѣка около 50% вѣпхъ суконныхъ фабрикъ были въ рукахъ виднѣйшихъ лицъ изъ русской аристократіи.

Благодаря развивавшемуся отходу и спросу на рабочія руки явилась полная возможность для помѣщиковъ увеличить размеры оброчныхъ платежей. Дѣйствительно, повышеніе оброчныхъ платежей было весьма значительное: пятирублевый оброкъ середины Екатерининскаго царствованія увеличился мѣстами до 20—25 руб. Около же столицъ и промышленныхъ центровъ размеры obroka были значительно выше. Впрочемъ, денежныя отношенія оброчныхъ крестьянъ къ помѣщику не исчерпывались только платежомъ obroka. Во многихъ имѣніяхъ существовали дополнительные сборы въ видѣ поборовъ натурой — саломъ, яйцами, мясомъ и т. д., разнаго рода работами — возить въ городъ «столовой запасъ», посылать рабочихъ, давать подводы, строить въ деревнѣ барскій домъ и т. д. Оброчная система была не легка для крѣпостныхъ. Въ своемъ стремленіи по возможности интенсивнѣе использовать крѣпостную силу, помѣщики заходили далеко, предъявляя крестьянамъ такія требованія, которыя они были не въ силахъ выполнить, и крестьянскихъ доходовъ сплошь и рядомъ не хватало ни на уплату оброчныхъ платежей, ни на выплату государственныхъ повинностей, что и бывало причиной крестьянскихъ волненій въ царствованіе Павла, такъ какъ просьбы крестьянъ часто не приводили ни къ чему. Зато въ другомъ отношеніи оброчная система была предпочтительна: отдавая земледѣлію второстепенное значеніе въ смыслъ полученія съ него ежегоднаго дохода и базируя его на денежныхъ платежахъ и натуральныхъ повинностяхъ, помѣщики сплошь и рядомъ отдавали въ пользованіе крестьянамъ всю свою землю, благодаря чему средній надѣлъ на душу въ оброчныхъ вотчинахъ равнялся 13—14 десятинамъ. Кромѣ того, помѣщикъ не жилъ въ имѣніи: приказчики, заботясь только о правильномъ поступленіи податей, почти не вмѣшивались въ распорядокъ крестьянской жизни, что и опредѣлило развитіе самоуправленія въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ нечерноземной полосѣ барщина оставалась по преимуществу въ мелкихъ имѣніяхъ и тамъ, гдѣ помѣщики не открывали фабрикъ и заводовъ. Больше крупное хозяйственное значеніе имѣла барщина въ земледѣльческомъ трудѣ черноземной полосы. Съ половины XVIII в. можно отмѣтить въ наиболѣе крупныхъ имѣніяхъ непрерывное увеличеніе барской запашки, такъ какъ законодательство не опредѣляло количество барщинныхъ дней, предоставивъ это усмотрѣнію помѣщика. Законъ же Павла I о трехдневной барщинѣ большею частью былъ понятъ, какъ категорическое запрещеніе работать по

Загородный домъ гр. Лавали въ С.-Петербурѣ. (Альбомъ 1826 г.).

воскреснымъ днямъ, и вторая часть указа обыкновенно не приводилась въ исполненіе.

Избыточный хлѣбъ сначала шелъ на потребности винокуренія, а потомъ сталъ экпортироваться за границу. Поэтому, неудивительно, что встрѣчались имѣнія, въ которыхъ примѣнялась 5—6-дневная барщина. Впрочемъ, ежедневная барщина сравнительно рѣдкое явленіе. Она примѣнялась тамъ, гдѣ велось крупное хозяйство, но такого рода предпріятія были рѣдки, хотя съ начала XIX вѣка попытки вложенія капитала въ землю въ интересахъ интенсификаціи сельскаго хозяйства становятся все чаще и чаще. Встрѣчались и такія хозяйства, впрочемъ, сравнительно рѣдко, въ которыхъ вся крестьянская земля присоединилась къ помѣщичьей зашакль, а крестьяне получали отъ помѣщика «мѣсячину», едва достаточную для того, чтобы не умереть отъ голода. И распределеніе земли между крестьянами и помѣщиками было нѣсколько иное въ барщинной полосѣ, хотя и тутъ все-таки большая часть земли (около $\frac{2}{3}$) была въ рукахъ крестьянина, что указывало на слабое развитіе сельско-хозяйственнаго предпринимательства.

II, тѣмъ не менѣе, положеніе барщиннаго крестьянства было тяжелое, благодаря напряженной барщинѣ и сокращенію полевыхъ надѣловъ, что особенно замѣчалось въ густо населенныхъ губерніяхъ. Съ другой стороны, уменьшеніе надѣловъ могло быть наиболѣе значительнымъ тамъ, гдѣ владѣлецъ такъ или иначе реагировалъ на требованія рынка: здѣсь средняя норма надѣла равнялась 2,5—3,1 д., понижаясь иногда до 1,5—1 десят., фактически приводя къ полному обезземеленію крестьянства.

Такимъ образомъ, накануне войны Россія уже переросла натурально-хозяйственный укладъ жизни и вступила въ начальную эру капиталистическаго развитія. Последнее и дало возможность правительству не только довести до конца военныя операціи 1812 года, но и предпринять новый походъ противъ Наполеона, уже не имѣвшій ничего общаго съ интересами Россіи. Накопленіе торговаго и промышленнаго капитала позволило нѣсколько разъ повышать % отчисленія съ гильдейскаго капитала, а развитіе отхожихъ промысловъ среди государственныхъ крестьянъ дало возможность повысить значительно подушную подать съ крестьянства¹⁾. И крестьянство въ періодъ войны выдержало это возвышеніе налоговой тягости, которое все-таки было значительно легче помѣщичьихъ поборовъ. Усилившійся въпыйшій товаро-обмѣнъ, благодаря соотвѣтствующей таможенной политикѣ, давалъ въ казну значительный таможенный доходъ, поступавшій болѣею частью въ металлической валютѣ и давшій возможность использовать металлическій фондъ во время заграничныхъ войнъ. Въ теченіе 1810—1812 года, несмотря на дѣйствіе континентальной системы, таможенные доходы поднялись, и доходный бюджетъ сразу сталъ болѣе²⁾. Такимъ образомъ, новыя условія экономической жизни страны дали правительству необходимый денежный фондъ, безъ котораго были бы немыслимы никакія военныя дѣйствія. Французскому правительству Россія казалась болѣе отсталой въ хозяйственномъ развитіи, чѣмъ это было на

¹⁾ См. ст. К. В. Сивкова.

²⁾ См. ст. К. В. Сивкова.

самомъ дѣль, да и оцѣнка вліянія континентальной системы тоже была не совсѣмъ правильна. вмѣсто земледѣльской страны съ ничтожнымъ вѣнъшнимъ отпускомъ, Франція увидѣла страну, далеко шагнувшую впередъ въ хозяйственномъ отношеніи. Неправильная оцѣнка экономического состоянія Россіи и чрезмѣрно низкое представленіе о финансовыхъ ресурсахъ страны—вотъ одна изъ причинъ неудачи великаго похода 1812 года.

В. Пичета.